

По мере усиления реакции развертывалась борьба с нею Некрасова. Одновременно с созданием сатирических «Песен о свободном слове» Некрасов начинает работать над большим циклом номерных сатир, в котором говорит о ненормальности всего общественного устройства.

Содержащийся в цикле материал распадается на две группы: первую составляют пять сатир «О погоде» (I, II, III, V и VI), изображающих уличные впечатления,⁴⁵ вторую составляют семь сатир, изображающих клубные впечатления». Соединительным звеном между ними является девятая сатира «Балет» (первоначальное ее название «Театр»), изображающая «театральные впечатления».

Начнем с сатир, посвященных «уличным впечатлениям». Характеризуя эти сатиры, нельзя не вспомнить знаменитую тираду о двух Петербургах — о Петербурге дворцов и Петербурге чердаков и подвалов, о Петербурге счастливых, которым тесны целые дома, и о Петербурге «несчастливых, которым нет места даже на чердаках и подвалах» (роман о Тросникове).

В этой тираде Некрасов характеризует жизнь большого капитализирующегося города, в данном случае Петербурга. И тогда, когда он писал свои первые романы, и тогда, когда он работал над небольшим циклом начала 50-х годов «На улице», и тогда, когда он создавал свои замечательные «Размышления у парадного подъезда», он смотрел на социальные противоречия города так же, как и в стихах о двух Петербургах — Петербурге бедняков и Петербурге богачей.

Между созданием первой части цикла сатир «О погоде» (в 1858 году) и второй его части (в 1865 году) протекло свыше шести лет. Это, само собой разумеется, не могло не отразиться на характере каждой из частей цикла, но всё же между ними не трудно установить определенную связь.

Первая часть, со скорбным сочувствием изображая «маленьких людей», униженных и обиженных», преимущественно представителей петербургской бедноты, является как бы вступлением к сугубо сатирическим стихам, разоблачающим социальные верхи Петербурга, а прежде всего ко второй части того же цикла «О погоде».

Вчитываясь в первые три сатиры цикла, не трудно прийти к заключению, что отношение автора к изображаемым лицам и событиям проявляется очень ярко и вносит постоянно ощущаемую и волнующую лирическую струю. Введение этой струи, в известной мере, связано с теми описаниями петербургской погоды, которых так много в сатирах рассматриваемого цикла:

Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, темный и грязный.
.
.
.
Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловеющая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!

А потому естественным, психологически обоснованным является, когда поэт, как бы сливая впечатления от «безобразного дня», от безобразной погоды со своими настроениями, восклицает:

Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что́ как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Переходя ко второй части цикла «О погоде», следует самым решительным образом подчеркнуть, что некрасовская сатира 60-х годов основана на принципе контраста. Этот принцип не столь сильно выражен в первой части рассматриваемого цикла, но во второй части находит себе необыкновенно яркое и сильное выражение.

В четвертой сатире («Крещенские морозы») Некрасов, проявляя исключительное мастерство, противопоставляет и два слоя петербургского населения — бедняков и богачей. Бедняки легко делают жертвой свирепого мороза, и напрасно они зывают, обращаясь к морозу:

«Уходи из подвалов сырых...
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Что касается «довольных и сытых людей», то их преследуют не мороз, не порожденные им болезни, не голод, их преследует иной «бич», иной «убийца» — паралич, являющийся следствием непомерного обжорства. Приведа ряд конкретных примеров с указанием имен («Нестор Фомич», «генерал Федор Карлыч фон Штубе», «десятипудовый генерал»), Некрасов рисует Невский, наводненный толпой перепуганных, совершающих обязательный моцион обжор.

В пятой сатире («Кому холодно, кому жарко!») социальный контраст достигается иными средствами. Слегка коснувшись «мрачных сцен», происходящих «в предместьях дальних»,

Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены, —

Некрасов рисует красоты зимнего Петербурга («зимой, Словно весь посеребренный, пышен Петербург самобытной красой!»), красоты блистающего огнями и витринами магазинов Невского. Но эти красоты не меняют усвоенного Некрасовым представления о Петербурге, как о городе социальных противоречий.

В процессе работы над своим остро сатирическим циклом Некрасов постоянно ощущает тяжелый пресс цензуры, о чем и не побоялся довести до сведения своих читателей:

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.

И всё же он попытался проникнуть в область, огражденную цензурными рогатками. Полного успеха ему эта попытка не принесла, но всё же две сатиры он провел в печать за циклом «О погоде». Это — сатиры «Балет» (сатира девятая) и «Газетная» (сатира двенадцатая). Первая из них — «театральная» сатира, вторая — одна из «клубных».

Достаточно прочесть первые строки «Балета», чтобы убедиться в том, что «Балет» композиционно связан с двумя предыдущими сатирами, в которых петербургская улица и уличная жизнь изображались зимой, в лютый мороз:

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.

Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

«Балет» и рисует театральные впечатления автора, которые приводят к беспощадному сатирическому разоблачению социальных верхов русского общества. Более половины «Балета» (свыше 200 стихотворных строк) — это яростная атака против социальных верхов.

Направив первый свой удар против светского общества, в котором первенствующую роль играли баре-аристократы, сановники, гвардейцы, «золотая молодежь», Некрасов переходит затем к сатирическому разоблачению буржуа-капиталистов, ворочающих миллионами. Не ограничиваясь показом новоявленных «хозяев исторической сцены», Некрасов, и это составляет его величайшую заслугу, очень остро ставит вопрос о растлевающем влиянии богатств на нравственную природу человека.

Придерживаясь и в «Балете», как и в большинстве сатир этого цикла, обзорной композиции, Некрасов вслед за изображением зрителей, сидящих в ложах бельэтажа, переходит к изображению того, что происходит на сцене. А на сцене модная балерина, одетая в крестьянскую рубаху, танцует особый танец, который в те времена так и назывался «мужичок». Этому танцу, возбуждающему восторги балетоманов, Некрасов, верный всё тому же методу контрастов, противопоставляет танец идущего за обозом русского мужика:

В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевел, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

Совершенно ясно, что здесь наиболее ярко выражен идейный смысл сатиры. С одной стороны, пляшет модная балерина на потеху представителей социальных верхов, с другой — пляшет «Подстрекаемый лютым морозом» угнетенный и разоренный этими же верхами русский мужик. Противопоставление этих двух плясок с исключительными силой и яркостью подчеркивает возмущающие душу противоречия социальной жизни.

Единственной клубной сатирой, напечатанной вскоре после своего создания, была сатира «Газетная». «Газетная» появилась в «Современнике» (1865, № 8) тотчас же после отмены предварительной цензуры и вызвала ярый гнев цензурных инстанций, так как в выражениях, поистине беспощадных, заклеила образ цензора. Цензор в изображении Некрасова — это не просто чиновник, претворяющий в жизнь предписания начальства, это фанатик, закосневший в своих ультрареакционных убеждениях, это изувер, влюбленный в свою гнусную профессию.

Не меньшее омерзение, чем цензор, внушает и другой завсегдатай «Газетной» — помещик-крепостник, на совести которого лежит ряд уголовных преступлений. Но окружающая его социальная среда считает его своим и легко мирится с его преступлениями, о которых прекрасно осведомлена.

Наиболее важным, наиболее существенным из литературных мотивов «Газетной» является декларация взглядов самого Некрасова на назначение литературы и поэзии. Она находится в органической связи с теми стихами, которые сохранились в черновике «Газетной», но потом были изъяты и замшены всего тремя строчками (строки 49—52 по беловому тексту). Вот эти замечательные, мало кому известные стихи:

У меня есть приятель (без меры
Он в французские книги влюблен.
Чтоб своей не испортить карьеры

Он скрывает свой ум, но умен).
Мы однажды с ним весело пили
И он вдруг мне сказал от души:
«Мне вчера ваши вирши хвалили,
И должно быть они хороши».
(Я надеюсь, того не обижу,
Чьи слова привожу?) — Почему?
«Потому что я их ненавижу!
Мрак и стон! Ну, скажите, к чему
Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»⁴⁶

Из этого отрывка с неизбежностью вытекает, что собеседник Некрасова настроен в достаточной степени реакционно и принадлежит к числу тех читателей, которые ценят только развлекательную литературу, которые хотят, чтобы книга уносила их подальше от действительности с ее «мраком и стоном», с ее «всходами».

Отповедь поэта противнику «мрака и стоны» в литературе написана в таком взволнованном тоне, что эта взволнованность сообщила его отповеди исключительные силу, образность, а вместе с тем такую эмоциональную выразительность.

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороною небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Эти строки среди поэтических деклараций Некрасова занимают одно из важнейших мест. «Причина», почему «нам так писалось и пишется», иначе говоря, причина тех «мрака и стоны», которыми так возмущались читатели-сибариты в поэзии Некрасова, в том, что эта поэзия отражает основные настроения народа, сказывающиеся в «унылой песне» народной.

А дальше знаменитое четверостишие:

Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю иного напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

«Газетная» и «Балет» были напечатаны на страницах «Современника» незадолго до вспышки необычайно дикой, подлинно безудержной реакции, которой правительство Александра II ответило на выстрел Каракозова (4 апреля 1866 года). Все усилия Некрасова, в том числе даже такие компромиссы, как мадригал в честь Муравьева-Вешателя, оглашенный на торжественном обеде в Английском клубе, не в состоянии были спасти «Современник». Журнал был запрещен, некоторые из его сотрудников посажены в крепость, на квартире арестованного Г. З. Елисеева был временно задержан и сам Некрасов. Душевные потрясения,

вызванные этими событиями и отразившиеся в ряде «покаянных» стихотворений («Ликует враг, молчит в недоумении...», «Неизвестному другу...», «Зачем меня на части рвете...»), прервали, не могли не прервать дальнейшей работы Некрасова над циклом «номерных» сатир. Тем более, что провести их в печать в атмосфере цензурного террора не было никакой надежды.⁴⁷

Однако Некрасов не принадлежал к числу таких бойцов, которых легко выбить из седла. В том же роковом для него 1866 году он приступил к работе над комедией «Как убить вечер?», а в 1867 году продолжал эту работу. Эта комедия была задумана как произведение, в котором были бы изображены и в известной мере сопоставлены основные движущие силы русской общественности. Замысел комедии «Как убить вечер?», к величайшему сожалению, остался не реализованным до конца. Комедия дошла до нас в составе первого и части второго действия. Она не была напечатана при жизни Некрасова. Однако отрывки из первого акта, конечно, в переработанном виде, Некрасов опубликовал под названием «Медвежьей охоты».

В основе комедии — противопоставление двух миров: мира богатых, праздных господ и мира оборванной, унылой, испитой крестьянской бедноты, нанявшейся в загонщики за жалкие гроши, которые неохотно и с прижимом уплачивались распорядителем охоты, чванливым аристократом князем Сухотиным.

Окончательный вывод, выявляющий отношение автора к господам:

Не только не приятны, мне противны
Все эти люди, шумною ордой
Нахлынувшие в наше захоlustье...

Уделено внимание в комедии и российским либералам, но особенно подробно эта тема разработана в «Медвежьей охоте».

«Медвежья охота», как уже отмечалось выше, — это ряд фрагментов из комедии «Как убить вечер?», но переработанных и дополненных новым материалом. Действия в «Медвежьей охоте», строго говоря, нет, а имеется только ряд диалогов, из которых наибольший интерес представляют диалоги Миши и Пальцова. Миша — типичный либерал. Его «платформа» определяется верой в то, что эпоха Александра II — прогрессивная эпоха. Мише противопоставлен Пальцов. Мишиной веры в российский прогресс он абсолютно не разделяет потому, что этот прогресс в кавычках не внес сколько-нибудь существенных перемен к лучшему в положение народных масс:

Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Таково настоящее. Но недавнее прошлое, т. е. николаевская эпоха, не лучше, а еще хуже: «„Не рассуждать, — повиноваться!“ — Девиз был общий».

Итак, картины современности и недавнего прошлого нарисованы в «Медвежьей охоте» очень мрачными красками. Но Некрасов недаром был великим сыном великого народа. В его творчестве есть пессимистические ноты, но в окончательный пессимизм он никогда не впадал. И «Медвежья охота» не порождает в конечном результате пессимистических настроений. В ней есть знаменательное упоминание о «племени молодом», способном во имя интересов народа и родины «бросаться прямо в пламя» и, если нужно, то «и погибать». Представители этого «племени молодого» не имеют ничего общего с либералами, т. е. «Рыцарями доброго стремления И беспутного житья».

Не в меньшей мере предохраняет и поэта и его читателей от пессимизма мысль о славных деятелях прошлого, которыми никогда не оскудевала русская земля.

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!

Эти личности — Белинский и Гоголь. Некрасовская оценка общественной роли Белинского выражена в великолепных стихах («Белинский был особенно любим» и т. д.), до сих пор не утративших способности волновать читателей.

Примечания

⁴⁵ Этот подзаголовок принадлежит самому Некрасову.

⁴⁶ Последние четыре строки имеются и в беловике; они общеизвестны, но мы привели их, чтобы полнее передать смысл всего отрывка.

⁴⁷ Характерно, что когда через пять лет Некрасов вставил ряд отрывков из оставшихся ненапечатанными «клубных» сатир в свою сатирическую поэму «Недавнее время», то она возбудила чрезвычайные опасения как в Цензурном комитете, так и в Главном управлении по делам печати и должна была послужить мотивом для объявления предостережения новому некрасовскому журналу «Отечественные записки».